

НОЧЬ С 14 НА 15 АВГУСТА 1990 ГОДА

Спасательную команду привел на нужное место характерный звук скопления насекомых — глухое жужжание тысяч кровососущих летающих тварей. Сеть от комаров, которой была накрыта корзинка, когда ребенка принесли сюда, сдуло ветром. Одеяло, укрывавшее девочку, валялось на земле, с правой ножки слез носок. Комары, слепни, златоглазники, мошки, гнус и мокрецы живо восприняли уникальную возможность в виде грудного ребенка в лесу и накинулись на него беспощадной лавиной. Маленькое личико, красно-синее и обезображенное укусами, опухло до неузнаваемости, глаза заплыли. Ручки и голенькая ножка раздулись и утратили форму. Муравьи забежали девочке в рот.

Кричать она давно перестала.

Спасатели сочли, что она мертва, все прочие предположения казались нереальными, но, когда кинолог Петтерссон взял ее на руки, она захныкала.

Это было воспринято как чудо.

Машина скорой помощи, включив сирены и мигалки, срочно доставила ее в больницу в Стентрэске. После быстрого осмотра дежурным врачом стало ясно, что ситуация не столь катастрофическая. У девочки было обезвоживание и переохлаждение, состояние критическое,

но без угрозы для жизни. Убрав всех насекомых, ее завернули в несколько одеял, чтобы согреть, поставили капельницу и дали бутылочку с питьем для восстановления водного баланса, а также ввели небольшую дозу кортизона против боли и раздражения от укусов.

Вероятность отдаленных последствий была невелика — во всяком случае, так сочли в тот момент врачи. Возможно, от самых серьезных укусов насекомых останутся рубцы. Но младенцы в возрасте четырех месяцев не помнят таких травматических переживаний. Так принято было считать в 90-е годы, и с тех пор мало что изменилось.

В ту ночь ярко светила луна, небо усыпали звезды, а над болотом поднимался туман. Вокруг лежали глубокие синие тени.

Около трех часов утра забрезжил первый бледный рассвет. Оставалось еще два-три часа до того, как солнце покажется над горизонтом, но стало чуть светлее, и тени сделались менее контрастными. Это несколько облегчало поиски мамы девочки, 27-летней Хелены Стормберг. После обнаружения ребенка операцию сосредоточили в северо-западной части болота.

Девочку нашли в светло-зеленой переноске марки BabyVjörn — своего рода тканевой корзине с ручками, весьма распространенной в начале 90-х. Рядом стояла плетеная корзинка, до половины заполненная морошкой.

Полицейский пес Чарли, самый толковый во всем Норрботтене, тут же взял след женщины рядом с корзинкой.

Следы шли кругами и дугами по кочкам и вокруг кустов — судя по всему, она долго ходила вокруг, собирая ягоды. Наконец Чарли обнаружил след, отличавшийся от остальных, ведущий прямо на болото. Кинологу Петтерссону, инспектору полиции из Питхольма, очень трудно было следовать за своей собакой. Четыре или пять раз он чуть не провалился в трясины, но тут Чарли дошел до конца полосы мха и замер. Там, в двухстах метрах от корзинки с морошкой и младенца, след обрывался.

По ровной и блестящей, как зеркало, поверхности скользили водомерки. В остальном же не было никаких признаков живых существ — ни человека, ни животных. В серо-коричневой воде болота отражались силуэты неподвижных сосен на фоне ночного неба.

Хелена Стормберг как сквозь землю провалилась — в самом буквальном смысле слова.

Спасательная команда осознала это в тот момент, когда из-за гор на северо-востоке выглянуло солнце. Все члены команды были хорошо знакомы с народным фольклором — преданиями о людях, провалившихся в болото, которых поглотила бездонная трясина. Как они бродят по ночам в тумане, жалобно завывая среди расщелин гор и вершущек сосен. Вот какие мысли пронеслись в голове мужчин, прочесывавших лес. На пару мгновений мир вокруг них замер, словно птицы, ветер и болотные лягушки разом затаили дыхание.

В следующую секунду мир окрасился в ярко-красный цвет, и зазвучала природная симфония: из ниоткуда

налетела буря, задрожали листья осины, зашипели выходящие из болота газы, запели пеночки, приветствуя рассвет.

Поиски продолжались, круг все расширялся, и в половине восьмого утра 15 августа была обнаружена темно-синяя ветровка Хелены. Она была брошена на куст можжевельника у края болота, почти в километре от переноски с ребенком и корзины с морошкой. В правом кармане куртки лежали ключи от машины и от квартиры. Во внутреннем кармане — бумажник с деньгами, права, банковская карта и пейджер.

Водолазы произвели несколько погружений на месте ее исчезновения — в трудных условиях, с риском для жизни. Это не дало никаких результатов.

Тело Хелены Стормберг так и не нашли. Больше о ней никто ничего не слышал.

Стало быть, она нашла свое последнее пристанище где-то в болоте Кальмюрен, убаюканная белыми мхами, грибами, водорослями и ракообразными.

Поговаривали, что иногда над болотом слышны ее песни — особенно туманными ночами на исходе лета, похожими на ту, когда она пропала.

Говорят, то были колыбельные — прозрачные и печальные.

ЧАСТЬ 1

ВИКИНГ

21 АВГУСТА 2020 ГОДА, ПЯТНИЦА

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Холл находился на втором этаже больницы Стентрэска, стены здесь были выкрашены в розовый цвет. Чуть ниже потолочных галтелей повисли голубые пушистые облачка. Краска кое-где подтекла. При желании можно было представить себе, что облачка плачут.

Викинг Стормберг в полицейской форме чувствовал себя здесь неуместно. На эпидемию коронавируса наложился сезон отпусков, его в любой момент могли дернуть по вызову. Тогда уже времени заскочить домой переодеться не будет.

Вот о чем он размышлял, сидя в то утро в больничном холле — это были последние его мысли перед тем, как мир рухнул. Что по дороге на работу он остановится в кондитерской Хольмдаля и купит себе бутерброд с фрикадельками. А еще надо бы попросить Карину Бюрстранд пополнить автомат по продаже напитков. Из таких мелочей и состояла его жизнь в последние тридцать лет.

В кабинет доктора Чанга он зашел почти точно в назначенное время. Здесь стены другого пастельного цвета — светло-желтые, вид на парковку. Над асфальтом и парковочными обогревателями повисло серое влажное марево.

— Вчера пришел ответ по биопсии, — начал доктор Чанг. — Не самые лучшие новости.

Викинг сидел неподвижно, сложив руки на груди. Больницы он не любил, но доктор Чанг, по всеобщему мнению, отличный малый и толковый врач. Он не из летунов, отработал в Стентрэске уже несколько лет.

— Он показывает, что раковые клетки попали в фильтр лимфы, — продолжал он. — Пока мы до конца не знаем, что это означает. Иногда случается, что поражению подвергается сама лимфатическая железа, но обычно опухоль расположена где-то в другом месте, почти всегда рядом...

Викинг уставился на него. Доктор Чанг был родом из Тайваня, брат у него тоже врач. Видимо, приехал в Швецию в детстве — по-шведски говорит безукоризненно.

— Что вы имеете в виду? — переспросил Викинг. — Я сдавал анализ на тонзиллит.

— Тонзиллит и рак никак не связаны. То, что мы обнаружили в биоптате, — плоскоклеточная карцинома, развивающаяся из клеток эпителиальной ткани. Это самая распространенная форма рака в области ухо-горло-нос. Надо провести дополнительные исследования, прежде чем мы сможем...

— Погодите, — прервал его Викинг. — Я не болен. У меня в горле застряла рыбья косточка, и я чувствую себя немного вяло...

Врач молча посмотрел на него. Викинг окинул взглядом комнату, ища, за что бы зацепиться. Он ждал, пока

информация уложится в мозг. Викинг был готов испытать спокойствие после получения диагноза, издать вздох по поводу того, что придется делать рентген или снова сдавать анализ крови. Легкий стыд, что без всякого повода создает дополнительную нагрузку на ресурсы здравоохранения. Ничего такого не последовало. Вместо этого ему казалось, что его скинули с бортика в самой глубокой части бассейна — а он не умеет плавать.

— Карцинома? — переспросил он.

— Она где-то в этой области, — ответил врач. — В точечных миндалинах, слюнных железах или голосовых связках.

Викинг откинулся на стуле, словно пытаясь отдалиться от произнесенных слов.

Посмотрел на врача со скепсисом.

Он пошел сдавать анализы, потому что его стала пилить Юсефин — сказала, что у него может быть тонзиллит или затяжная форма ковида. Может быть, ему назначат антибиотики или какую-нибудь биодобавку к питанию.

— Это может быть как-то связано с ковидом? — предположил он.

Доктор спокойно посмотрел на него, заговорил со знанием дела:

— Коронавирус не вызывает рака, по крайней мере, насколько нам известно на сегодняшний день. Эти изменения у вас давно — вероятно, уже несколько лет. Но карцинома излечима. Она развивается медленно, хотя обследование все равно следует начать незамедлительно.

Викинг снова взглянул на парковку. На ней он однажды занимался сексом — на заднем сиденье в мамином старом зеленом «гольфe».

— Вы сказали, что она где-то в этой области. Что это значит?

— Это не материнская опухоль. Мы должны найти ее. Поэтому вас следует как можно скорее прооперировать, мы удалим миндалины и посмотрим, не засела ли она там. Я записал вас на операцию в Сундербюн на 31 августа.

Японский городской, вот тебе на! У него совершенно нет на это времени!

— На операцию? Через десять дней?

— Нам придется также взять множество биопсий. Помимо того, что надо найти материнскую опухоль, мы должны выяснить, не распространился ли рак, не перекинулся ли на правую сторону, нет ли метастазов. После этого придется посидеть на больничном.

Да, звучит разумно. Викинг кивнул.

— Как долго?

— Зависит от того, что мы обнаружим. Думаю, около года.

Полицейский уставился на доктора.

— Года?!

— Есть отработанные алгоритмы, что мы делаем в таких случаях, — сказал доктор Чанг. — Вам предстоит целый ряд обследований в больнице Сундербюн, а затем ваш случай будет обсуждаться на врачебном консилиуме

в Умео. Все будет зависеть от того, что обнаружится в результате объективных исследований.

Отработанные алгоритмы. Врачебный консилиум. Он не первый, с кем это случилось, не первый, кто услышал эту новость в этом самом кабинете. Вероятно, даже за сегодняшний день он не первый. Однако ощущение было именно такое — уникальность, случайный выбор слепой судьбы.

Он не из тех, кто болеет раком.

— Так какие есть варианты? — спросил он, пытаясь придать голосу деловитое звучание. — Каким инструментарием вы располагаете?

— Речь идет об облучении, химиотерапии и хирургии.

У Викинга закружилась голова. Это все происходит на самом деле. Его будут облучать как настоящего ракового больного.

— Насколько серьезно дело? Я умру?

Он произнес это с легкой иронией, давая врачу возможность обратить суровые слова в шутку и отпустить его, похлопав по плечу и вместе посмеявшись.

Но доктор Чанг даже не улыбнулся.

— Надеюсь, что нет, — ответил он.

Как во сне Викинг добрался до участка. Забыв про бутерброд и лимонад, прошел, ни с кем не здороваясь, мимо стойки администратора и кухни для персонала и закрыл за собой дверь в кабинет.

Гуглить он не собирался. Не то чтобы он был склонен к ипохондрии — просто знал, что гуглить не надо.

Стоило ему открыть браузер и забить в поисковое окно слово КАРЦИНОМА, как в кабинет ввалилась без стука Карина Бюрстранд — она всегда так делала. Он поспешно закрыл браузер.

— Кража со взломом, — произнесла она, кладя ему на стол бумажку, на которой что-то было написано от руки. Поскольку он не сделал никакого движения в сторону бумажки, Карина со значением положила на нее руку.

— В доме Юхана Бьёркмана в Польберге, — добавила она.

Он вскинул на нее глаза — мать честная, ведь Бьёркман и охотник, и член отряда местной самообороны!

— Оружие?

— Все подчистую, — ответила Карина и вышла.

Викинг поднялся и направился к кабинету коллеги Роланда Ларссона по другую сторону коридора. Надо рассказать, что он скоро засядет на больничный. Коллеги и полицейское начальство в Лулео должны найти ему замену, назначить временного шефа полиции. Но на целый год? Полный абсурд.

Когда он вошел, Роланд Ларссон поднял на него глаза.

— Бери с собой все, что у тебя есть, — сказал Викинг. — Целый арсенал оружия ушел в свободное плавание.

Роланд Ларссон исполнял обязанности местного уполномоченного по обследованию места происшествия. Обычно он справлялся со всем, что происходило в Стентрэске — кражи со взломом, побои, вандализм. На случай убийства

или теракта можно было запросить подкрепление из Лулео, но по большей части обходились своими силами.

Коллега тут же принялся собирать свою большую сумку со всяким оборудованием.

Они сели в две патрульные машины. Викинг ехал первым, мимо Гранселя и далее вверх в Польшберг. Деревня представляла собой всего несколько хуторов вдоль дороги на Котафорсен. Юхан Бьёркман, потерпевший, был приятелем Маркуса, в гимназии они учились в параллельных классах и оба работали на Ракетной базе. Участок с домом Бьёркман выкупил у собственных родителей, когда они устали без конца расчищать снег. Ходили слухи, что родители сидят теперь в квартире в пригороде Будена и якобы им там совсем не нравится, но Викинг не знал, какова доля истины в этих сплетнях.

По крайней мере, теперь новый хозяин хутора стоял посреди двора в полной растерянности. Дверь дома у него за спиной стояла нараспашку, на крыльце валялись два чемодана и сидела собака.

— Я заходил в одних носках, — сказал он, кивая на дом, и выставил локоть для приветствия в коронавирусной манере. Викинг тоже выставил локоть, чувствуя себя ужасно глупо, хоть тут тебе пандемия, хоть нет.

— Сейф с оружием пропал, — заявил Юхан Бьёркман.

Вместе с Роландом Ларссоном они быстро осмотрели дом, обнаружив, что почти все осталось нетронутым, за исключением гардеробной. Висевшую там одежду скинули на кровать. Теперь в гардеробной было пусто, осталась

только вешалка с галстуками и хлопья пыли на том месте, где раньше стоял сейф. При весе более 150 кг он не был вмонтирован в пол.

Они сели за кухонный стол, Викинг делал записи. Юхан Бьёркман, бледный и вспотевший, весь трясся. Всю неделю он провел в отпуске в отеле «Pite Havsbud» со своей новой девушкой, оставив собаку соседям. Вернувшись сегодня утром, обнаружил, что дверь взломана, а сейф с оружием пропал. Поливать цветы или приглядывать за домом он никого не просил, поскольку уезжал всего на неделю. Стало быть, кража произошла между пятницей, 14 августа, и пятницей, 21 августа.

Юхан Бьёркман принес папку со всей документацией на украденное добро — все лицензии и страховки, и опасения Викинга подтвердились. Ну, положим, не целый арсенал, но почти.

Один АК-4, ящик с 800 патронами калибра 7,62 мм, из которых 80 — трассерные боеприпасы. Полуавтоматический пистолет «Глок 88». Все это — его оружие члена отряда самообороны. Помимо того пропало ружье для охоты на лося марки «Sako 85», новехонькое, очень мощное. Второе поменьше для охоты на косулю, «Sako Vixen 222». Вдобавок старый дробовик «Husqvarna» 20 калибра.

В воздухе запахло дождем, и Роланд Ларссон занялся поисками во дворе, на подъезде к дому и в самом доме. На неделе прошли дожди с сильным ветром, так что все появившиеся до того следы попросту смыло.